

Орфографический прецедент. Как это работает

Ольга Евгеньевна Иванова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), olliva95@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170005209-8

АННОТАЦИЯ: Опора на аналогию, прецедентную кодификацию используется в асистемной области письма — той области, где нельзя рассчитывать на сложившуюся орфографическую норму, на применение правила — в качестве способа упорядочения орфографического хаоса. Метод орфографического прецедента является здесь одним из инструментов современной кодификации, выступающий как аргумент в пользу того или иного написания. Однако опора на прецедент имеет определенные ограничения, связанные с условиями функционирования слов. К их числу относятся: одновременное заимствование этимологически родственных слов из разных языков (*коттон* от англ. и *демикотон* от фр.), кодификация массового варианта написания под давлением узуальных предпочтений (*бол-бой* при *ковбой*), ограниченная сфера употребления слова-прецедента, например узкого термина. Принадлежность слова малоизвестной лексической области затрудняет его выявление, а сама значимость такой орфографической аналогии в целях кодификации представляется сомнительной (*кол-центр* и *онколь*). Орфографический прецедент рассматривается в статье в двух ракурсах: на фоне написаний, для которых нет письменных аналогий (слова-одиночки), и в контексте действия принципа морфемного тождества. В связи с последним утверждается, что наличие разнонаписаний морфем в новых заимствованиях (*степпер* при *степ*, *тустеп*) является естественным этапом их языкового освоения, в том числе и письменного. Оно не может поколебать универсальность этого системообразующего принципа русского письма, несмотря на неопределенную длительность сосуществования разнооформленных морфем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфографическая кодификация, орфографический прецедент, аналогия, морфемное тождество, словарные слова

для цитирования: Иванова О. Е. Орфографический прецедент. Как это работает // Русская речь. 2019. № 3. С. 29–41. DOI: 10.31857/S013161170005209-8.

Issues of Modern Russian Language

Orthographic Precedent — How It Works

Olga E. Ivanova, Vinogradov Institute of Russian Language (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), olliva95@yandex.ru

ABSTRACT: Reliance on analogy and precedential codification is used in asystemic writing — the area where one cannot rely on the established orthographic norm and rules — as a means to exercise control over the orthographic chaos. The method of orthographic precedent is employed here as a modern codification tool that speaks in favor of one spelling variant or another. However, the precedent-based approach has some limitations related to words' functioning conditions. Among the later are: time-separated borrowings of etymologically related words from different languages (*kotton* [cotton] from English and *demikoton* [demicoton] from French), codification of a mainstream spelling variant under pressure of usual preferences (*bol-boy* [ball boy] vs. *kovboy* [cowboy]), limited scope of use of a precedent word (e.g. narrow terms). Words that belong to little-known lexical fields are difficult to identify and the significance of such orthographic analogy for codification purposes seems questionable (*kol-tsentr* [call center] and *onkol'* [call loan]). The orthographic precedent is examined in this article from two perspectives: for word spellings with no written analogies (singular words), and for words for which the principle of morphemic equivalence can be applied. As to the latter, it is asserted that occasional differences in morpheme spellings in newly borrowed words (*stepper* [step machine] vs. *step* [step dance],

tustep [two-step]) is a natural stage of their incorporation into language, the written language in particular. Such differences cannot undermine the systemic orthographic principle of written Russian despite the uncertain duration of coexistence of differently spelled morphemes.

KEYWORDS: orthographic codification, orthographic precedent, analogy, morphemic equivalence, vocabulary words

FOR CITATION: Ivanova O. E. Orthographic Precedent — How It Works. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 3. Pp. 29–41. DOI: 10.31857/S013161170005209-8.

Когда принимается решение о том, какой орфографический облик слова следует узаконить в словаре, слово анализируется во всей совокупности обстоятельств бытования, прежде всего: 1) в аспекте исторической тенденции изменения написания, 2) в аспекте вхождения конкретного слова в системные отношения в данной области письма (системные возможности и степень упорядоченности элементов данной части системы), 3) с точки зрения узуальных предпочтений написания в настоящем, 4) с точки зрения влияния иноязычных языковых систем в данной области и др.¹ Подходы к оценке нормы написания и кодификации слов, отвечающих требованиям общих орфографических правил, и слов, пишущихся по индивидуальным правилам (словарным словам), естественно, различны. Цель статьи — показать, как ортологическая орфография устанавливает нормативность того или иного написания в словарной области письма, там, где не действуют орфографические правила, на какие общеметодологические основания здесь можно опереться.

Слово может представлять собой уникальное явление, не имеющее в языковом сознании носителей языка никаких ассоциативных связей.

Таким, например, было в 2010–2011 гг. слово-одиночка *экзитпол*², когда его включали в «Русский орфографический словарь»³. В текстах слово

¹ Ключевые факторы, влияющие на функционирование письма (как отдельных единиц, так и его областей), рассматриваются в работе [Бешенкова 2016], там же доказывается принципиальная неиерархичность этих факторов, поскольку система письма построена на живых дихотомиях и поэтому «принципиально разновекторна» [Там же: 25].

² Гораздо позже появился *брексит* (и даже *грексит*), что не влияет на наши рассуждения.

³ Здесь и далее мы ссылаемся на 4-е, исправленное и дополненное, издание «Русского орфографического словаря» [Лопатин, Иванова 2012], если не оговорено иное.

писалось по-разному: *экзит-полл* — *экзит-пол* — *экзитполл* — *экзитпол*, различалась и словарная фиксация: [Комлев 2006; Захаренко и др. 2008] — *экзитпол*, [Ефремова 2006] — *экзит-поллы* и *экзитполлы*. Академический орфографический словарь остановился на варианте *экзитпол*. Какова мотивация такого решения?

Во-первых, в целом для русского письма не характерно выделение в знаменательном слове несамостоятельных, неосмысляемых как отдельное слово частей. Написание слова с выделением в нем компонентов при помощи дефиса⁴ встречается обычно в двух случаях.

1) В сложных существительных с не употребляющейся самостоятельно первой частью на согласную дефисное написание непредсказуемо конкурирует со слитным написанием, что хорошо видно на сопоставимых парах *биг-бенд*, *биг-бит* — *бигмак*, *бич-волей* — *бичбол*, *бэк-вокал*, *бэк-офис* — *бэкграунд*, *бэкслеш*, *гран-па* — *гранпасьянс*, *киндер-сюрприз* — *киндербальзам* (больше примеров и само правило см. в [Бешенкова, Иванова 2016: 167]).

2) Среди сложных существительных с не употребляющейся самостоятельно первой частью на гласную слова с дефисным написанием составляют исключения (например, *агни-йога*, *альма-матер*, *дата-центр*, *копи-арт*, *люля-кебаб*, *мецца-воче*, *фата-моргана*, *хеви-метал*, *хеппи-энд*, *хмели-сунели*), обычно слова этого типа пишутся слитно [Там же: 165]. Таким образом, оба случая относят дефисное написание существительного к разряду случайных.

Во-вторых, исследователями выявлена историческая тенденция к слитному написанию слов, ранее писавшихся с дефисом (когда-то были через черточку *блан-манже*, *ватер-поло*, *кунст-камера*, *фокс-терьер* и мн. др.), притом что история лишь единичных слов шла вразрез с этой тенденцией (напр., писалось *куклуксклан*, *шиниттлук*) [Бешенкова 2018].

В-третьих, прямой зависимости написания в русском от написания в языке-источнике нет: пишущиеся слитно в языке-источнике слова в русском языке могут писаться с дефисом (например, *камер-юнкер* — нем. *Kammerjunker*, *шинитт-лук* — нем. *Schnittlauch*), а те слова, которые в языке-источнике пишутся с дефисом или раздельно, в русском могут писаться слитно (*гардероб* — фр. *garde-robe*, *кашне* — фр. *cache-nez*, *лендровер* — англ. *land-rover*, *комильфо* — фр. *comme il faut*, *бельэтаж* — фр. *bel-étage*). Так что и в этом — лингвистическом — отношении судьба *экзит(-)пола* пока не ясна.

⁴ Пишущиеся раздельно единицы типа *персона грата*, *модус вивенди* не являются словами, а знак пробела не выполняет функцию выделения.

Наконец, в-четвертых, при значительном статистическом преобладании написания с дефисом слитная передача слова неуклонно растет, и эту динамику орфографисты видят. Поэтому, учитывая все перечисленные обстоятельства, было решено дать слово в слитном написании, с учетом перспективы его функционирования в русском письме. Конечно, прогноз становления письменной формы таких слов-одиночек затруднен, а кодификационное решение заведомо характеризуется значительной долей вероятного неуспеха.

Иной случай представлен в словах с орфограммой, которая встречается в других, аналогичных в этом отношении словах, тем самым слово выступает как член некоторой парадигмы, иногда совсем небольшой. Его парадигматические связи могут быть как обращены в диахронию (у слова есть предки, кодифицированные в словаре), так и располагаться в синхронии (у слова есть родственники и похожие на него в чем-то друзья). Таким образом, речь идет об орфографическом анализе слова в составе лексической группы с общим признаком: или объединенной по признаку передачи общей орфограммы (двойные согласные, сочетание гласных, слитное/дефисное написание и пр.), или — для сложных слов — имеющей общую первую или последнюю части⁵.

В этом случае выбор написания для словарных слов опирается на понятие орфографического прецедента. Термин «орфографический прецедент» (прецедентное написание) как обозначение метода при установлении кодификации новых слов введен В. В. Лопатиным для объяснения кодификаций «Русского орфографического словаря» [Лопатин 2007: 725–726; Лопатин 2009: 241]. В добавление к примерам В. В. Лопатина (*риелтор*, *офшор* и нек. др.), с помощью которых показывается возможность не ждать, когда утрясется колебание новых слов, а «рекомендовать единственный вариант написания слов в качестве обязательного, канонического» [Лопатин 2007: 726], приведем свой пример. Опора на орфографический прецедент как инструмент кодификации была применена при определении написания слова *крымско-татарский* в «Русском орфографическом словаре» 1999 г. В области написания сложных прилагательных, как известно, велика доля словарных кодификаций, к числу которых, помимо слов с уже давно устоявшимся традиционным написанием, от-

⁵ Исследования последних лет отмечают неравномерность грамматического и письменного освоения однокоренных слов в живом узусе — с одной стороны, а с другой — непоследовательность принятых кодификационных решений по отношению к таким словам [Маринова 2014; Хабарова 2011; Иванова 2017]. Общая причина всего этого — незавершенность процесса освоения этих слов русским языком, что одинаково характерно как для единиц, подходящих под правила русского правописания, так и относящихся к области словарного регулирования.

носятся и те слова, написание которых выбрано лингвистами из реально бытующих вариантов на основании определенных критериев. В нашем разборе доказывается правомерность отнесения данного слова к области словарных написаний, а не основанных на противоречивом правиле 1956 г. В грамотном письме до 1956 г. слово *крымско(?)татарский* оформлялось с дефисом, таково, например, написание в названиях трудов «Полный русско-татарский словарь крымско-татарского наречия» (О. Заатов. Симферополь, 1906) и «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» (А. Н. Самойлович. Пг., 1916). В позднюю советскую эпоху слово было отражено в изданиях энциклопедического типа, прежде всего в «Большой советской энциклопедии» (3-е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978), где помещена статья «Крымско-татарский язык».

Выбор дефисного написания в качестве кодифицированного опирался не только на имеющуюся к тому времени фиксацию в универсальных изданиях нашей страны — «Большой советской энциклопедии» и энциклопедии «Языки народов СССР», на фиксацию в ГОСТе⁶, на реальные узловые предпочтения русскоязычного письма на территории России (но не Украины), но и на факт существования лексико-словообразовательной парадигмы — однотипно образованных прилагательных сходной семантики, которые пишутся с дефисом. Вот лишь некоторые прилагательные, построенные по типу «первая часть, производная от топонима + вторая часть, производная от названия этноса», причем первая часть осложнена суффиксом. Дефисное написание этих слов или преобладает в реальном использовании, или кодифицировано орфографическим словарем русского языка: *волжско-финский* и *финно-волжский* (от волжские финны), *казанско-татарский* (казанские татары), *литовско-татарский* (литовские татары), *немецко-поволжский* (немцы Поволжья, поволжские немцы — с перестановкой компонентов), *поволжско-татарский* (поволжские татары), *прибалтийско-финский* (прибалтийские финны), *сибирско-татарский* (сибирские татары), *уральско-казачий* (уральские казаки), *уральско-тюркский* (уральские тюрки, тюрки Урала), *чулымско-тюркский* (чулымские тюрки), *крымско-греческий* (крымские греки), *крымско-готский* (крымские готы, крымско-готский словарь, язык, языкознание). Слово *крымско-татарский* естественно вписывается в этот ряд (подробнее см. в [Иванова 2015]).

Метод орфографического прецедента широко используется и для установления написания единичных новых слов, орфограммы в которых не относятся к числу регулируемых правилами правописания, например,

⁶ ГОСТ 7.75-97. «Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Коды наименований языков».

слова с англ. суффиксами *-ness* и *-less* передаются в академическом словаре с одиночной согласной на конце: *бизнес* 1956⁷ → *топлес* и *фитнес* 2005 → *велнес* 2012; слова *офсет* и *офсайд* 1956 → *офшор* 1999, *офлайн* 2005 с одним *ф* по образцу англицизмов с той же начальной частью. Логично ожидать, что при таком подходе кодификационные решения разного времени совпадут и слова с общей проблемной орфографической чертой будут кодифицированы единообразно. Однако это не всегда так, и более ранние кодификационные решения, вполне лингвистически корректные, не применяются, как, например, в слове *дресс-код* 2012, имеющем прецедентное написание общей части в слове *комбидрес* 1999. Чем это можно объяснить?

Одна из причин подобных рассогласований такова: в записи слов — этимологических родственников, заимствованных из разных языков в разное время и вошедших в русский лексикон, могут отражаться черты этих языков. Например, современное заимствование из англ. *коттон* 2005 (англ. cotton) пишется иначе, чем старое фр. слово *демикотон* 1956 (фр. demi-coton), отмеченное еще у Даля, и его родственники *котонизатор*, *котонизация* (1956) и *котон-автомат* (1999; БСЭ). Также разнятся старое слово из фр. *инженер* и пришедший на рубеже нынешнего века англицизм *инжиниринг* 1999. Ср. также восходящие к общему этимологическому источнику слова *инфекция* от позднелат. *infectio* «заражение» и *инфицировать* от нем. *infizieren*.

Вторая причина видится в том, что при кодификации новейших заимствований лингвисты зачастую не могут противостоять преобладающему узусу как проявлению орфографической моды и поэтому узаконивают массовый вариант написания. Сюда попадает приведенный выше *дресс-код*, *рирайтер* 1999 при *реформатор*, *реорганизация* и проч., *стейк-хаус* 2012 при *пентхаус* и *таунхаус* 2005, также *бол-бой* 2012 при *ковбой* 1956, *плейбой*⁸ 1974. Интересен случай со словом *бигмак* 2005 (англ. Big Mac). У него много общего с широко известным *Биг-Беном* (англ. Big Ben)⁹: в языке-источнике оба являются словосочетаниями с прописными буквами в обеих частях, оба называют предметы, восходящие к собственно-

⁷ Указывается год включения слова в академический орфографический словарь.

⁸ Отметим, что слово *дресс-код* утвердилось в данном написании, вариант с одной согласной на конце первой части в письме отсутствует. Слово *рирайтер* было перекодифицировано в издании «Русского орфографического словаря» 2012 г. на *рерайтер* в соответствии со сложившейся нормой и принципом транслитерации. Изучение современного узуса слова *бол(-)бой* показывает, что практика письма приводит написание в соответствии с прецедентами, однозначно предпочитая слитное соединение морфем. Напротив, слово *стейк-хаус* прочно удерживается в написании с дефисом.

⁹ Это слово в традиционной передаче *Биг-Бен* попало в академический словарь лишь в 1999 г., когда изменилась концепция академического орфографического словаря.

му имени, но судьба в русском письме сложилась по-разному. В случае с *бигмаком* — культовым артефактом городской жизни рубежа веков — орфографический прецедент не сработал, хотя все другие слова с первой частью *биг* пишутся единообразно¹⁰ с дефисом (*биг-бенд* 1999, *биг-бит* 1999, *биг-тауэр* 2012, *биг-хит* 2012, *биг-эйр* 2012).

В результате расхождения новой кодификации с прецедентным написанием создается ситуация выбора для еще более поздних вхождений. К примеру, для *биллинг* 2012 прецедентом послужило старое слово *билль* 1956, хотя есть и *билборд* 2005. При кодификации слова *контроллинг* 1999 приходилось выбрать между двумя сосуществующими этимологическими родственниками: англо-немецким *контроллер* и французскими *контроль*, *контролёр* (1956). В результате кодификация прибавляется к одному из полюсов орфографического колебания, но само разнонаписание слов с общим корнем, например, будучи закрепленным в словаре, остается законсервированным на долгую перспективу, возможно навсегда.

В применении метода прецедентного написания имеется одна проблема, лежащая за пределами лингвистики. Наличие прецедента иногда совершенно не очевидно, его можно обнаружить только случайно. Например, для новых заимствований *кол-гёрл* 2005 и *кол-центр* 2012 с одиночной *л* прецедентным написанием формально является термин *онколь*, *онкольный кредит* 1956 от англ. *on call* «по требованию». Этот же термин является прецедентным и для слитного написания этимологически предположного сочетания *онлайн* 2005. Для слова *легинсы* 1999 прецедентом будет *бутлегер* 1991 (слово ранее было дано в [Словарь иностранных слов 1979] или еще более старое слово *бутлег* — буквально «сапог-нога», попавшее в словарь лишь в 2012 г., так как в результате вторичного заимствования оно стало использоваться для обозначения нелегальной музыкальной записи. Но вот вопрос: насколько значима такая прецедентность при принятии решения о кодификации в современном русском языке? Она базируется лишь на выявлении чисто формальной соотнесенности слов и устанавливаемого лингвистами морфемного родства, а в сознании массового носителя языка связь *легинсов* и *бутлегеров* едва ли ощутима. Думается, что справедлива постановка вопроса о наличии ограничений в применении инструмента прецедентности (ср. с известными ограничениями принципа проверки): некоторые написания допустимо не рас-

¹⁰ Нам кажется, что именно необычайная массовость употребления этого слова, его необычайно широкая применяемость повлияли на написание — получилось простое «русское» слово. Об орфографическом прецеденте как регуляторе написания, ограничивающем орфографический хаос в словарном сегменте письма, см. также в [Бешенкова, Иванова 2016: 128–131].

смагивать как прецедентные из-за отсутствия в сознании носителей языка отождествления значений компонентов слов. Как ослабляется эта ассоциативная связь слов, важная для орфографии? Она ослабляется, если слова функционируют в разных социально ограниченных сферах, когда одно из слов является, к примеру, термином и в силу этого практически неизвестно остальному социуму. То есть прецедентность скорее всего работает в одной речевой области, а если слова принадлежат совершенно разным сферам употребления, разным терминологическим подсистемам, то они не оказывают друг на друга никакого влияния и могут закрепиться в разном написании. Так бывает или в случае межнаучной омонимии при выявлении различно написанных терминов, восходящих к одному этимону (например: *формфактор* (физ.) и *форм-фактор* (тех.), *шортгорн* (порода коров) и (спорт.) *шорт-стоп*, *шорт-теннис*, *шорттрек*, а также *шорт-блок*, *шортлист*), или при обнаружении орфографических фактов, различия в которых объяснимы территориальной изолированностью языковых сообществ (например, вариативность оттопонимических прилагательных типа *ягодненский/ягоднинский* [Бешенкова, Иванова 2019]). Итак, орфографический прецедент — это метод аналогии, используемой как аргумент в пользу того или иного написания, однако он имеет известные ограничения, идущие от разнообразных условий функционирования слов.

Частная разновидность прецедентности — это связь между словами на основе их морфемного тождества. На современном этапе массового заимствования достаточно часто встречается нарушение тождества морфем в иноязычиях, что отражается и в кодификации: таковы, например, частотные разнонаписания производящих и производных с одиночной/двойной согласной корня типа *киберсквоттинг* (хотя *сквот*), *спиннинг* (хотя *спин*), *сплиттер* (хотя *сплит* и *сплит-система*), *степпер* (хотя *степ*, *тустеп*, *уанстен*) и др. В ряде случаев кодификаторы пытаются направить письмо к соблюдению единства написания морфемы в отдельных корнях (*багги* 1991 и *баггинг* 1999, *блог* 2012 и *блогер* 2012, *блогинг*, *рэп* 1999 и *рэпер* 2005, *спот* и *спотовый* 2005 (термин финансов), *споттинг* и *споттер* 2012 (фотографирование самолетов), *тролль* 1956 и *троллинг* 2005, *шоп* 1999 и *шопинг* 1999, *шопомания* 2005, *шопер* 2012).

Е. В. Маринова, наблюдающая процессы грамматического освоения иноязычий уже в новейший период русского языка, отмечает: «...Русский язык все чаще принимает какое-либо конкретное слово уже как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы. По своим чертам лексическое заимствование еще более сближается со словообразованием: и в том и в другом процессе язык получает мотивированные единицы, а значит, заимствование, когда оно происходит из одного источника, ста-

новится все более системным, а “закон” аналогии (подчеркнуто нами. — О. И.) все более востребованным» [Маринова 2014: 138]. Отметим, что подавляющая масса вошедших в русский язык заимствований, уже вполне освоенных русским языком, находится в русле принципа морфемного тождества, как показал еще М. Н. Петерсон в книге «Система русского правописания», не проводивший различия между исконной и заимствованной лексикой и утверждавший, что этот принцип «пронизывает всё правописание»¹¹ [Петерсон 1955: 4].

Если вернуться к примерам слов с одиночной/двойной согласной в русском языке (а эта орфограмма относится к словарно регулируемым), то здесь следует отметить: 1) наличие соотношения t-t в словах с этимологическим удвоением согласного в производном (*рэп* — *репер*, *своп* — *свопинг*, *скан* — *сканер*, *сканировать*, *спам* — *спамер*, *спаминг*, *трек* — *трекинг*, *шоп* — *шопинг*, *шопер*) и 2) соотношения tt-tt в словах с этимологически двойной согласной в производящем (*багги* — *баггинг*, *баггист*, *кросс* — *кроссинг*, *патт* — *паттер*, *ролл* — *роллер*, *ролловый*, *тролль* — *троллинг*, *троллить*, *флосс* — *флоссинг*). Оба эти соотношения в полной мере выражают представление о морфемном тождестве. Таким образом, и в этом случае наблюдаем случайные ограничения в проявлении данного принципа, что согласуется с представлением о постепенности работы адаптационных механизмов принимающего языка. Сосуществование в узусе (и — неизбежно — в кодификации) разнооформленных родственных слов вполне естественно для начального периода функционирования этих слов в лоне русского языка и письма. Уже сейчас наблюдаются процессы, указывающие на частичное и очень постепенное освоение иноязычных, включая процесс морфемного выравнивания и движение письма «к орфографической безвариантности при передаче тех или иных морфем...» [Хабарова 2011: 2.3.1]. И, например, известные колебания в узуальной передаче этимологически удвоенной согласной в существительных *спа(м/мм)инг*, *спа(м/мм)ер*, *ска(н/nn)ер*, *шо(п/nn)инг* и др. разрешаются в производных глаголах в пользу одной согласной: *спамить*, *сканировать*, *шопинговать* и (более раннее) *эмитировать* (ср. старый термин *эмиттер*), к ним присоединяются уже обрусевшие *флопик*, *флоповод*, *шопоголик*, *блоговый*, *блогосфера*, *твитнуть* и др.

Конечно, процессы письменного выравнивания родственных слов иноязычного происхождения с различно переданными морфемами идут

¹¹ Естественно, что этому принципу не чужды и исключения, таковы, например, исключения из правила проверки для согласных букв в словах: *абстракция*, *абстрактный* (хотя *абстрагироваться*), *акция*, *акт* (хотя *агент*), *реакция* (хотя *реагировать*), *прогностика*, *агностик* (хотя *прогнозы*, *агнозия*, но и *гносеология*), *пост* (хотя *позиция*), *транскрипция*, *инскрипта*, *постскриптум*, *скрипт*, *скриптория* (хотя *транскрибировать*).

очень неспешно и весьма выборочно. Ясно также, что они естественным образом опираются на «языковое сознание носителя языка, под которым понимаем восприятие и осмысление им графических элементов и их содержания в практике письма и чтения» [Селезнева 2004: 7]. В этих процессах участвуют и кодификаторы, выполняющие роль субъективного фактора развития письма и использующие, среди прочих, метод орфографического прецедента.

Литература

- Бешенкова Е. В. Орфография дескриптивная и ортологическая // Е. В. Бешенкова, О. Е. Иванова. Теория и практика нормирования русского письма. М.: Лексрус, 2016. С. 10–43.
- Бешенкова Е. В. Ретроспекция как фактор в современной политике орфографистов // Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2018. С. 17–76.
- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: Лексрус, 2016. 424 с.
- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. К типологии орфографических правил: история формирования и статус правила о написании слов на -инск(ий)/-енск(ий)/-янск(ий) (в печати).
- Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. 3-е изд., испр. и доп. М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1040 с.
- Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т.: ок. 160 000 слов. М.: АСТ, Астрель, 2006.
- Иванова О. Е. Крымско(?)татарский: история кодификации // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 8–13.
- Иванова О. Е. Неравномерность процесса письменного освоения слов и словарная кодификация // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 82–89.
- Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: Эксмо, 2006. 672 с.
- Лопатин В. В. Проблемы нормирования и опыт орфографической работы // В. В. Лопатин. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. С. 720–726.
- Лопатин В. В. Правописание и вариативность // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2009. С. 239–244.
- Маринова Е. В. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в. // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст: Коллективная монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. С. 65–149.

- Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. 4-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 896 с.
- Словарь иностранных слов. 14-е изд., испр. М.: Русский язык, 1979. 608 с.
- Селезнева Л. Б. Современное русское письмо. Категории и единицы. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 2004. 224 с.
- Хабарова Д. Ю. Графическое освоение новейших заимствований как редакторская проблема / Выпускная квалификационная работа на соискание степени магистра филологии. СПб., 2011. [Электронный ресурс] <https://www.studsell.com/view/36049/>

References

- Beshenkova E. V. [Spelling descriptive and orthological]. E. V. Beshenkova, O. E. Ivanova. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of rationing Russian writing]. Moscow, Leksrus Publ., 2016, pp. 10–43. (In Russ.)
- Beshenkova E. V. [Retrospection as a factor in modern policy of orthographers]. Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Aspektnoe opisanie russkoi orfografii* [Aspect description of Russian spelling]. Moscow, Publishing Center Azbukovnik, 2018, pp. 17–76. (In Russ.)
- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of codification of Russian writing]. Moscow, Leksrus Publ., 2016. 424 p.
- Beshenkova E. V., Ivanova O. E. [The typology of spelling rules and the status of the rule on the words in -инск(ий)/-енск(ий)/-янск(ий)] (in print). (In Russ.)
- Dictionary of foreign words. 14th ed., corr. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1979. 608 p.
- Efremova T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. In 3 volumes: approx. 160,000 words. Moscow, AST, Astrel Publ., 2006.
- Habarova D. Ju. *Graficheskoe osvoenie noveishikh zaimstvovaniy kak redaktorskaya problema* [Graphic familiarization of the latest borrowing as an editorial problem] / Final qualifying work for the degree of Master of Philology. SPb., 2011. Available at: <https://www.studsell.com/view/36049/> (accessed 30.03.2019)
- Ivanova O. E. [Krymsko(?)tatarskii: history of codification]. *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 2015. № 2, pp. 8–13. (In Russ.)
- Ivanova O. E. [Unevenness of the Process of Written Development of Words and Dictionary Codification] // *Verhnevolzhskii filologicheskii vestnik*. 2017. № 4, pp. 82–89. (In Russ.)
- Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Eksmo Publ., 2006. 672 p.
- Lopatin V. V. [Codification problems and spelling experience]. V. V. Lopatin. *Mnogogrannoe russkoe slovo: Izbrannye stat'i po russkomu yazyku* [Multifaceted Russian word: Selected articles on the Russian language]. Moscow, Publishing Center Azbukovnik, 2007, pp. 720–726. (In Russ.)

- Lopatin V. V. [Spelling and variation]. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoi orfografii: teoriya i praktika* [Linguistic foundations of the codification of Russian spelling: theory and practice] / edited by V. V. Lopatin. Moscow, Publishing Center Azbukovnik, 2009, pp. 239–244. (In Russ.)
- Lopatin V. V., Ivanova O. E. (ed.). *Russkii orfograficheskii slovar'. 4-e izd., ispr. i dop.* [Russian spelling dictionary, 4th ed. corr. and add.]. Moscow, AST-Press Kniga Publ, 2012. 896 p.
- Marinova E. V. [The development of new borrowing and related processes in the Russian language of the beginning of the XXI century]. *Russkii yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst* [Russian language of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text]. Nizhny Novgorod: Publishing House of UNN them. N. I. Lobachevsky, 2014, pp. 65–149. (In Russ.)
- Selezneva L. B. [Modern Russian letter. Categories and units] / Schoolbook. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2004. 224 p. (In Russ.)
- Zaharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. [New dictionary of foreign words]. 3rd ed., corr. and add. Moscow, Publishing Center Azbukovnik, 2008. 1040 p.